

Смерть

1 9 сентября 1979 года в десять часов утра умерла моя мать. Мой отец убил ее на крыше нашего дома в Агадире. Он вонзил в нее нож, протащил по лестнице вверх, привязал к лестнице-стремлянке, набил ей рот песком, облил бензином и поджег. Когда она умерла, ей было двадцать девять лет и она была на седьмом месяце беременности.

Мне исполнилось пять лет.

Сейчас мне двадцать девять, и мои слезы смывают чернила на бумаге, лежащей передо мной. Я плачу. Громко, как ребенок. Я плачу, как ребенок, каким я была тогда, когда умерла моя мама. Я хочу успокоиться, пытаюсь вспомнить, как мама смотрела на меня. Но мне это не удастся.

Мою маму звали Сафия. Ей было семнадцать лет, когда родители выдали ее замуж за моего отца. Моему отцу тогда было двадцать восемь, и его звали Хусейн бен Мохаммед бен Абдаллах, что

значит Хусейн, сын Мохаммеда, сына Абдаллаха. В тот день, когда была убита моя мать, в семье было семеро детей: Муна-Рашида, Рабия, Джабер и Джамия уже ходили в школу — они были «большими». Я была самой старшей из «маленьких». Вместе с годовалой Асией и трехлетней Уафой мы с родителями сидели за столом и завтракали.

Атмосфера была спокойной, однако я чувствовала, что что-то не так. Но это показалось мне совершенно нормальным. У нас вечно что-то шло не так, как надо. Наверное, мама в чем-то возразила папе. Это было опасно. Папа был вне себя от ярости. Сейчас он скажет нам, детям, чтобы мы шли играть на улицу. А затем он будет бить маму. Он всегда так делал. Один раз он уже избил маму до полусмерти лишь потому, что она открыла дверь дома и позвала нас. В том, что она позвала нас, не было ничего плохого. Плохо то, что она вышла из дома. А это было запрещено.

Папа сказал:

— Идите на улицу и поиграйте.

— Конечно, папа.

Я встала, посадила Асию себе на левое бедро и взяла Уафу за руку. Мы как раз подошли к двери, когда мама произнесла: «Уарда-ти, мой цветочек, твой папа хочет убить меня. Пожалуйста, расскажи об этом соседям».

Мама произнесла это совершенно спокойно. В ее голосе не было никакой паники. Папа не сказал ничего. Он не возразил и не стал ругать маму, утверждать, что она говорит глупости. Он сидел рядом с ней за столом, как сидят за завтраком многие семейные пары. Мне это показалось совершенно нормальным.

Настолько нормальным, что мамыны слова никак не беспокоили меня. Меня беспокоила Уафа. Она плакала и рвалась назад к маме. Но этого нельзя было допускать, потому что тогда разозлился бы папа, чего я очень боялась. Когда папа злился — это было ужасно.

— Идем, Уафа. На улице светит солнце. Мы поиграем в хаха, в догонялки.

— Нет, — заплакала она, — хочу к маме!

— Сейчас нельзя. Мы должны идти на улицу.

Я крепко взяла Уафу за руку, вышла с малышкой во двор и не вспоминала больше о том, что сказала мама, до тех пор, пока не увидела пламя на крыше нашего дома. Я не помню, слышала ли я что-либо. Не было никаких криков. Никто не звал на помощь. Я помню только огонь на крыше нашего дома.

И я помню слова моей матери: «Уарда-ти, мой цветочек, твой папа хочет убить меня. Пожалуйста, расскажи об этом соседям». На мне лежит вина в смерти моей матери, потому что я не восприняла ее слова всерьез. Потому что я занималась своими сестрами, в то время как мама доверила мне свою жизнь. Потому что я не побежала к соседям.

Но что смогли бы сделать соседи?

Ничего. Они боялись отца, потому что всегда боялись его. Они ничего не смогли бы сделать для женщины, над которой издевался ее муж, который избивал, унижал и запирали ее дома. В Марокко никто не пытается защищать женщин, над которыми издеваются их мужья. По крайней мере я не знаю ни одного человека, который хоть в чем-то смог бы воспрепятствовать этому.

Когда старшие дети вернулись из школы, а мы прибежали с улицы, папа уже потушил огонь, в котором горела моя мама. Он стоял у двери и не пускал нас в дом.

— Ваша мать в больнице. У нее будет ребенок, — сказал он.

Мы со всех ног помчались к больнице, надеясь, что найдем там маму. Но я знала, что ее там нет. С каждым шагом на пути к больнице наши надежды таяли. Когда в больнице нам сказали, что пациентки по имени Сафия эль Фахир здесь нет, надежда исчезла окончательно.

Мы снова отправились домой: не бежали, а крались домой. Прокрались мимо школы, мимо лавки колониальных товаров, мимо портняжной мастерской. И мы шли очень медленно, потому что боялись того, что нас ожидало.

Когда мы добрались до дома, папа уже исчез. Здесь была полиция, и на нашей улице стояла машина для перевозки трупов. Вокруг собрались все соседи, так что полиция с трудом удерживала людей на расстоянии. Затем маму снесли по лестнице вниз. Ее тело было не полностью прикрыто, и я увидела ступни ее ног. Они не обгорели до черноты, а были совсем белыми. Я обрадовалась этому и очень громко закричала:

— Смотрите, мама не совсем сгорела, видите, там белое, видите? Затем ее тело погрузили в машину и увезли.

Мы, дети, тесно прижались друг к другу, плакали и ждали. Никто не заботился о нас. Мы были никому не нужны. Рабия и Муна должны были опознать труп.

После обеда вернулся папа. Он нес большой мешок на спине. Наверное, хотел уложить туда маму и выбросить ее. Полиция сразу же арестовала его. Нам не разрешили разговаривать с ним.

Часть 2

РЕГИОН СУС, МАРОККО
1974–1979

